

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ

ТЕМНЕЙ ДЖЕРЫ

Каникулы
в
Чернолесье

NoSugar. Темнейджеры

Александр Егоров

**Темнейджеры.
Каникулы в Чернолесье**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Егоров А. А.

Темнейджеры. Каникулы в Чернолесье / А. А. Егоров —
«Издательство АСТ», 2023 — (NoSugar. Темнейджеры)

ISBN 978-5-17-157556-4

Серёжа Волков потерял родителей ещё в раннем детстве, поэтому живет у родственников, которые ему не сильно рады, ведь у него сложный и независимый характер. Когда они отправляются в отпуск, наш герой едет к своему дедушке Герману, который уже много лет живёт в заповеднике в Белоруссии. Прекрасная природа, по-настоящему близкий родной человек, что может пойти не так? И правда, всё начинается как обыкновенные каникулы. Только вот Серёжа ещё не знает, что за сила таится в этом заповеднике, что не так с ребятами из расположенного неподалеку лагеря «Эдельвейс», да и про самого себя, как оказывается, он знает очень и очень мало... Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157556-4

© Егоров А. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Тетя Элла	6
Сергей Волков	9
Герман	12
Сергей Волков	14
Герман	20
Сергей Волков	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Егоров

Темнейджеры. Каникулы в Чернолесье

© RedDesArt, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Тетя Элла Валькирия в гневе

– Дикарь. Упрямый дикарь. Когда же ты станешь человеком, Сергей Волков?

– В следующей жизни.

Тетя Элла скрестила руки на груди. Незаметно глянула в зеркальную дверь шкафа. Ей хотелось выглядеть внушительно. Получалось не очень. Воспитание современного подростка – ужасно трудная задача, и тетя с этой задачей не справлялась.

Сергей по-прежнему сидел на краешке дивана, опустив голову. Сжимал в руках свой телефон. И лишь иногда поглядывал на тетку искоса, холодными серыми глазами из-под темных бровей. Он был похож на сжатую пружину. Только на теткиной памяти эта пружина никогда не разжималась.

– Ты всегда со мной споришь, – сказала она племяннику. – И всегда смотришь на меня волком. Должно быть, это у вас фамильное.

Кажется, он усмехнулся. Тронул экран смартфона. «И зачем только дед подарил ему эту дрянь», – подумала тетка. Все равно он никому не звонит и ни с кем не разговаривает.

В саду за окном расцветали яблони. Коротко подрезанные кусты покрылись аккуратными листьями. Дорожки вокруг коттеджа были вымощены каменной плиткой. По утрам тетя собирала с дорожек улиток: складывала в деревянную миску и уносила подальше от дома, к пруду, где и выпускала на волю. На следующий день все повторялось. В этом не было смысла, зато был порядок.

Тетя Элла окинула племянника строгим взглядом. Покачала головой:

– Теперь ты молчишь. Я знаю, у тебя начался опасный возраст, Сергей. Но это не лучшее оправдание. Когда-то нам всем было столько же лет, сколько тебе. Ты не уникален. Ты просто упрямый эгоистичный тинейджер, даже не слишком талантливый. И если так пойдет дальше, то из тебя получится самый обыкновенный бездельник. Ты уж прости меня за такие слова. Что ни говори, я имею на это право.

Его ресницы дрогнули. Тетя Элла прищурилась. Неужели этот чертов рак-отшельник наконец выползет из своей скорлупы? Нет, нет. На это рассчитывать не приходится.

Она решила перейти в наступление:

– И все же скажи мне, почему ты обидел Веронику? Она до сих пор не хочет с тобой разговаривать. Заперлась на целый день в своей комнате. Тебе не кажется, что надо перед ней извиниться?

– Нет.

– Интересно, почему? – тетя Элла не на шутку рассердилась. – Интересно, почему ты ни во что нас не ставишь? Нет, мы не ждем от тебя благодарности за все, что мы для тебя сделали. Но хотелось бы знать, за что ты нас так ненавидишь?

– Неправда, – отвечал Сергей. – Я даже вас люблю. Немножко.

– Но ты не извинишься?

Он только покачал головой. Тогда тетя Элла вздохнула как будто даже с облегчением. Ну что же, мальчишка сам виноват. Пусть пеняет на себя, или что там еще говорят в подобных случаях.

В темном зеркале отражалась Элла Суровая. Элла Справедливая. Как валькирия из северных сказок.

– Ты сделал свой выбор, Сергей Волков, – сказала она. – Надеюсь, теперь ты не будешь удивлен, когда я расскажу тебе неприятные новости. На каникулах мы летим в Чайланд. Нам удалось снять очень славный и недорогой домик на берегу. Но ты вместо этого отправишься

к своему деду в Белоруссию, в этот его чудесный заповедник, в Черный Лес. Старик не видел тебя два года. Вот пусть и посмотрит.

И потом, никто кроме него не справится с таким... зверенышем.

Сергей даже не пошевелился.

– И вообще... после того, как ты довел Веронику до слез, у меня пропало желание делать тебе дорогие подарки, – продолжала тетя Элла, и у нее неожиданно сел голос. – Гм. Кхм. Да и твои годовые оценки ниже всякой критики. Ты и сам это понимаешь. Может, на следующий год, когда ты возьмешься за ум...

– Я видел ваши билеты, – сказал вдруг Сергей. – Три недели назад.

– Ты? Видел билеты? Где ты их видел?

– В письме из турфирмы.

– Кто показал тебе письмо?

Сергей промолчал.

Тетя Элла слегка смутилась.

– Я догадываюсь, кто, – сказала она. – Хотя это не имеет значения. Твоя сестра поступила правильно. Она тоже желает тебе добра. Желает, чтобы ты понял...

– Я желаю только, чтобы он пошел к черту, – послышался голос из гостиной. – Пусть валит в свой поганный лес!

Еще секунда, и Вероника стояла в дверях. Ее просто трясло от злости. Еще бы: никто не должен был знать, что она читает почту взрослых. Мать никогда бы ей не позволила. Даже несмотря на то, что той уже шестнадцать.

– А еще я желаю, чтобы он знал: он тут вообще никто, – отчеканила Вероника. – Чертов нахлебник. Живет у нас из милости, а делает вид, будто он король саванны. Мы не обязаны бегать и подтирать за ним дерьмо, даже если его психи-родители завещали нам эту несказанную радость!

Сергей порывисто вскочил, и стало заметно, что он на полголовы выше своей тетки. Телефон он зажал в кулаке, как рукоять лазерного меча. Сестра взвизгнула и вылетела в холл. Дверь за ней захлопнулась, да так, что на кухне зазвенела посуда и, кажется, даже что-то разбилось.

Тетя Элла застыла посреди комнаты, как статуя.

– Это было не совсем правильно с ее стороны, – наконец выдавила она из себя. – Но...

Сергей что-то прошептал в ответ. И снова опустился на диван. Пружина сжалась.

Тетя Элла глядела на него, не говоря ни слова, и по ее глазам трудно было понять, о чем она думает.

Она сделала шаг и приблизилась. Прикоснулась к его плечу.

– У девочки тоже трудный возраст, – сказала она.

Сергей молчал.

– Видишь ли, Сережа... Конечно, сперва мы хотели поехать на каникулы все вместе. Но Ника была категорически против. Она сказала, что не хочет жить с тобой под одной крышей. Что ты ее пугаешь. Она думает, что ты болен. Иногда ты кричишь по ночам... наверное, видишь страшные сны... я не считаю, что это серьезно, такое часто бывает в детстве, но я обязана обратить на это внимание, ведь правда?

Наверху, в комнате сестры, слышались шаги и приглушенные голоса, сразу несколько. Вероника болтала с кем-то по громкой связи, как обычно. У нее была целая куча друзей. И всем она растрезвонила про своего сумасшедшего брата.

Тетя Элла оглянулась.

Теперь из зеркала на нее смотрела совсем другая женщина. Усталая. Неуверенная. Еще неизвестно, которая из двух была настоящей.

– Надеюсь, ты простишь меня, Сергей, – сказала эта, вторая. – Дело зашло слишком далеко.

– Спасибо, тетя, – ответил мальчик. – Не нужно извинений. Я поеду к дедушке Герману. Хоть завтра.

– Похоже, ты не врешь, – сказала тетя Элла. – Ты ужасно сложный мальчишка, но ты не врун.

Сергей молча кивнул.

– Что ж, может, это и к лучшему. Там, в деревне, совсем не плохо. Тишина, покой, лесной воздух. Говорят, там поблизости снова открылся летний лагерь. Может быть, ты найдешь там новых друзей. Сколько можно гулять одному... и, конечно, отдохнешь от интернета... ума не приложу, что ты там находишь?

– Просто игры, – сказал Сергей.

– Игры? Какие, например?

Вместо ответа он показал тетке экран телефона. На нем происходили удивительные вещи. Стая волков сражалась с бурым медведем. Таких чудовищ тетя Элла никогда не видела: морда медведя была просто громадной, на пол-экрана, шерсть стояла дыбом, красные глазки светились. Волки наседали на него со всех сторон, но тот одним махом расшвыривал их в разные стороны, и они улетали за пределы видимого пространства. Вот жуткий медведь еще раз взмахнул когтистой лапой и распорол волку брюхо. Волчьи кишки полезли наружу, как фарш из лопнувшего пакета, а стекло забрызгало кровью изнутри. Черный волк – вожак стаи – беззвучно завыл.

– Боже мой, – только и сказала тетка.

– Это великая битва оборотней, – пояснил Сергей. – Последняя битва.

– Надеюсь, и правда последняя, хотя бы на сегодня, – заявила тетя Элла. – Хотела бы я посмотреть в глаза разработчикам этой игры. Кстати, как она называется?

Парень поднял глаза от экрана.

– Очень просто, – сказал он: – «Чернолесье».

Сергей Волков

Все тот же сон

Мне было даже немножко жаль тетю Эллу. Я не хотел ее огорчать.

Но могу себе представить, как бы она напугалась, если бы знала обо мне немного больше. Хорошо, что она не знает.

Возможно, я и вправду болен. Мне часто снится один и тот же сон, вот уже несколько лет. Вероятно, это и следует называть кошмаром, хотя иногда мне кажется, что в жизни случаются вещи куда более страшные.

В этом сне я видел старый польский жилой вагончик, который до сих пор еще ржавеет во дворе у деда. Когда-то, в давние времена, родители прицепляли этот вагончик к «Ниве» и путешествовали. Я видел пластиковые стены, потертые кресла внутри, и холодильник, и стол с разбросанными картами, и свои давно забытые игрушки: белого плюшевого щенка и пожарную машину. Получается, я и сам там был, в этом сне, только очень маленьким. Я смотрел на все это откуда-то сверху, со своей полки, занавешенной прочной сеткой, которую натягивали каждый вечер, чтоб я оттуда не вывалился и чтоб не закусали комары. Из-за этой сетки все, что я видел, казалось расплывчатым и нерезким. За окном висел предрассветный туман, и я отчего-то проснулся.

Да, я проснулся в этом чертовом сне и услышал, как кто-то ходит там – снаружи. Сухие сучья хрустели под чьими-то ногами, то тише, то громче. Фиолетовые тени скользили по стенам. Окно вдруг, как зимой, покрылось изморозью. Мне стало холодно, я сидел в своем гнезде из одеял и подушек, обмирая от ужаса. Кто-то остановился у двери. Взялся за ручку. Я слышал, как он сопит и возится с замком. Дверь подалась и понемногу начала отворяться. За ней клубился черный туман, и я понял, что больше всего на свете боюсь увидеть того, кто сейчас войдет. Я дико заорал и проснулся по-настоящему.

Черт!

Дверь отворилась, и заспанная Вероника появилась в моей комнате, в розовой пижаме не по росту.

– Ты что, совсем плохой? – спросила она сиплым голосом. – Весь дом разбудишь.

Я молчал и хлопал глазами.

– Еще раз так заорешь, придушу подушкой. И вот что: кончай залипать в интернете до трех ночи.

Я не ответил. Или что-то ответил, не помню.

– Все маме скажу, – пообещала она и скрылась за дверью.

Тогда это случилось в первый раз. С тех пор я стал запираюсь на замок, Вероника тоже.

Мне ни с кем не хотелось говорить об этих снах. Разве что с дедом. Он как знал: прислал мне на Новый год самый передовой смартфон – не поленился заказать из своей деревни! Но почему-то я не решался ему звонить. Иногда посылал сообщения. Не уверен, что он их читал.

После нашего разговора с теткой дед вдруг позвонил сам.

– Привет, Серый, – сказал он мне.

Он почему-то любит называть меня «Серый» – очень старомодно. Он уверяет, что в его детстве у всех мальчишек были примерно такие клички, а нормально вообще никого не звали. Когда-то давно он жил в Сибири, и я готов поверить, что правила жизни там достаточно суровые.

В Сибири он тоже работал лесником. Только лес там был совсем другой. В этой глухой тайге жили во множестве волки и медведи, а морозы стояли такие, что сопли замерзали на лету, как сочно рассказывал дед.

Итак, он позвонил и сказал: «Привет, Серый».

– Я очень рад тебя слышать, – ответил я, потому что и правда был рад. Я никогда не вру.

– Черт возьми, как изменился твой голос, – сказал он. – Похоже, ты совсем взрослый.

Я откашлялся. Я и без него знал, что мой голос ломается, но сам как-то не замечал особых перемен. Мне стало приятно, что меня называли взрослым.

– Я же присылал тебе фотки, – сказал я.

– Теперь присылайся лично. Я встречу тебя на станции. Пусть Элла выдаст тебе чемодан потяжелее. И передай ей, чтоб она больше не пыталась тебя воспитывать по своим занудным правилам. Мы ребята простые, сибирские, пусть так и знает!

Я улыбнулся. Мы поговорили еще немного, и я пошел собирать вещи.

Через день я уже добрался на международном экспрессе до Минска, а потом ехал на региональном поезде в сторону Беловежья, к затерянной в глуши станции под забавным названием «Черны Лес».

Всю дорогу я играл. Дополненная реальность забавная: наводишь камеру на соседей, а на экране вместо них возникают всякие фантастические твари. Толстяк в старой джинсовой куртке легко превратился в громадного медведя-мутанта. Две девушки – в симпатичных волчиц. И так далее. Была только одна проблема: герои не спешили совершать героические поступки. Они сидели и точно так же пялились в свои телефоны. Это было скучно. Я даже не заметил, как задремал.

Во сне я видел, как поезд тормозит у короткой пустынной платформы, и мимо проплывает белая вывеска с именем станции, смутно знакомым. На вывеске сидел громадный черный ворон с крючковатым клювом. Когда наш вагон поравнялся с ним, ворон повернул голову в мою сторону и неслышно каркнул. Только тогда я проснулся.

Поезд действительно стоял у моей станции, и стоянка уже заканчивалась. Я подскочил на месте и потянулся за своей сумкой, но не удержал и со всего размаху уронил ее на шею толстому мужику в куртке. Тот охнул и выругался вполголоса. Какая-то тетка поскорее подтолкнула меня к выходу. Только я выбрался из вагона, как поезд тронулся, набрал ход и исчез за поворотом.

Солнце клонилось к закату. Я стоял на платформе совершенно один. Никто меня не встречал. Я полез за телефоном и понял, что оставил его в вагоне. Я даже знал, где: под лавкой у джинсового толстяка. Вряд ли можно было надеяться, что он пришлет мне этот телефон с курьером.

Плюнув с досады, я покатил сумку к станционному зданию. Колеса мерно постукивали по растрескавшемуся асфальту. Я прошел мимо вывески: никакого ворона там, конечно, не оказалось. Только воробьи перепархивали с места на место под стеклянным навесом.

Зал ожидания тоже был пуст. Двое местных милиционеров в мешковатых форменных рубашках коротали время за столиком в кафе. Они говорили по-белорусски и даже не смотрели в мою сторону. Я побоялся к ним обращаться.

Можно было бы добраться до усадьбы самому, и даже успеть до темноты. С прошлого раза я хорошо запомнил, что вдоль всей дороги тянулся густой лес с высоченными соснами. От станции нужно было повернуть направо, на перекрестке – налево. Или наоборот.

Пока я размышлял, милиционеры начали приглядываться ко мне. Да, они посматривали на меня все чаще. Я чувствовал себя скверно.

Я уже хотел послать все к черту и купить обратный билет, когда откуда-то издали послышался автомобильный сигнал, громкий и требовательный. Мы выглянули в окно и увидели, как на парковку возле супермаркета въезжает потрепанный красный грузовичок. Я сразу узнал служебный пикап моего деда Германа.

Дед остался таким же, как раньше: краснолицым, здоровым и крепким. Он пожал мою руку так, что в ней что-то треснуло, а потом обнял меня и ошутимо похлопал по спине. Как всегда, его короткая бородка кололась и пахла смолой.

Он не стал ругать меня за телефон. Просто махнул рукой. Тогда я сам решил немножко обидеться, да и было за что.

– Я целый час тебя прождал, – сказал я, но он и тут рассмеялся:

– Это Чернолесье, детка! Здесь ваше время не действует.

Сказав так, он подхватил мою сумку, как пушинку, преспокойно кинул ее в кузов и распахнул передо мной скрипучую дверцу:

– Садись, бродяга. Добро пожаловать в сказку.

Герман Смотритель

Темнота сгустилась над усадьбой. За лесом еще горела узкая полоска заката, но все другие краски померкли, деревья казались черными, а темный пруд – свинцовым. Наступала ночь, безлунная, волчья.

Лесной дом выглядел спящим. Фонарь над крыльцом горел вполсилы, а прожекторы на столбах и вовсе были потушены. Здешний хозяин больше не ждал гостей. Но и спать не торопился. Если бы кто-то смог заглянуть сейчас в окно второго этажа, то увидел бы его сидящим за столом, перед тусклой лампой, в глубокой задумчивости. Перед ним лежал тяжелый планшет в прочном резиновом корпусе военного образца. Хозяин рассматривал электронную карту леса.

Хотя Герман Волков и объявил свой дом вневременной зоной, он немного лукавил. Когда дело касалось его работы, он не сторонился технического прогресса. Да и то сказать, лесник без связи – не лесник, а огородное пугало. Поэтому на краю усадьбы, у самой деревянной изгороди, за которой уже начинался лес, возвышалась специальная стальная мачта. На ее вершине крепилась спутниковая тарелка, а также мощный ретранслятор и еще какие-то длинные антенны угрожающего вида. Кроме того, в подземном гараже хранился самый современный квадрокоптер с двумя видеокамерами для наблюдения за лесом.

Старый Герман был не так уж прост.

Хорошо, что внук даже не подозревал об этом. Вечером дед устроил ему настоящую сибирскую баню, где от души отхлестал веником («Воспитание начинается», – приговаривал он). После такого ужаса Сергей даже не вспоминал про всякие там интернеты. Ровно в десять вечера он уснул сном праведника – там, наверху, в просторной мансарде под высокой крышей.

Окна в этом доме были закрыты прочными ставнями. В здешних краях это не казалось странным. Говорили, что в Чернолесье пришли целые стаи волков из-за границы. Говорили и о других вещах, еще более таинственных и опасных. Вот уже много лет лесник не уставал опровергать чужое вранье, но слухи только множились. И гостей становилось все меньше.

Вот и сегодня лесник никого не ждал, но отчего-то не спешил отходить ко сну. И время от времени поглядывал в раскрытое окно. Иногда со двора залетали ночные бабочки, и тогда Герман недовольно морщился.

Около полуночи послышался шум крыльев, и на подоконник грузно опустился большой черный ворон. С подоконника он перелетел напрямиком на стол. Стуча когтями, подошел поближе. Взглянул на хозяина внимательным черным глазом и негромко каркнул.

– Здорово, Карл, – сказал лесник.

Старый ворон учтиво поклонился.

– Очень хорошо, что ты слетал на станцию, Карл, – продолжал лесник. – Я был в полной уверенности, что парень приедет завтра. Видишь, я тоже старею.

Карл вытянул шею и посмотрел куда-то вверх.

– Сейчас он спит, – пояснил Герман. – Завтра увидишь и не узнаешь. Вытянулся, стал ростом с меня. Он все спрашивал: куда же делся наш милый Карл? Когда прилетит? Он тебя не забыл, будь уверен.

Карл щелкнул клювом и даже притопнул от удовольствия.

– Оставь свои штучки, – сказал лесник. – Говори по-человечески.

– Nevermore, – каркнул ворон.

– Брось. Ты все равно не знаешь английского. Хочешь пива?

Осторожно ступая по деревянным ступеням, Герман спустился в келлер. Было слышно, как он открывает холодильник. Герман вернулся со связкой жестяных банок и открыл пару. Церемонно разлил на двоих.

Карл опустил клюв в свою кружку, потом запрокинул голову и глотнул. Герман ухмыльнулся:

– Вот теперь у нас пойдет пирушка на славу! Забыл спросить: тебе уже стукнуло восемнадцать?

Ворон расправил крылья и разинул клюв, довольно похоже притворяясь тупым подростком, впервые хватившим горелки в деревенской пивной. Лесник прекрасно знал, что его друг разменял седьмой десяток, как и он сам. И все же Герман охотно рассмеялся. От души приложился к кружке, а потом продолжал совсем другим голосом:

– У нас мало времени, Карл. Я хочу сделать из парня настоящего Смотрителя, себе на смену. Нужно успеть. Я должен успеть. Иначе все пропало.

– Стар-рость не радость, – уныло проскрипел ворон.

Это тоже была шутка. Герман помотал головой.

– Ты же знаешь, кто должен был занять мое место. Ты помнишь Матвея. Теперь его нет. Эти твари думают, что уничтожили нас, уничтожили навсегда. Но ведь в мальчишке тоже течет моя кровь! И вот он здесь. Он здесь по собственной воле. Это важно, Карл. Мы больше не проиграем, Карл.

Ворон тихо присвистнул. Герман резко опустил кружку на стол.

– Не смей сомневаться, глупая птица! Это Чернолесье. Здесь нельзя сомневаться. Надо только верить. Я живу, пока верю. Если перестану, они разорвут меня на куски. И тебя тоже, Карл! Даже не думай, что пересидишь меня в своем дупле, старый комок перьев!

Ворон не обиделся. Он снова сунул клюв в кружку.

– Пей, пей, – разрешил Герман. – С этих пор ты будешь ночевать у меня. Начинаются беспокойные дни. Ты мне понадобишься, и очень скоро.

Когда хозяин не самым твердым шагом отправился спать, ворон сидел у него на плече. Спустя малое время в доме стало совсем тихо. Только сами собой поскрипывали деревянные стены и половицы, да под потолком еле слышно шелестели пыльно-серые ночные бабочки.

Никто не видел, как в самый глухой предрассветный час высоченные елки Черного Леса словно бы расступились, и тяжелое темно-серое облако выползло из оврага. Перевалив через изгородь, приблизилось к дому. Потекло вверх по стене, иногда замирая, словно прислушиваясь.

В покинутой комнате все еще горела тусклая лампа; запертые ставни хрустнули, как от беззвучного удара, но выдержали, зато ночные бабочки отчего-то сбились в кучу в дальнем углу. Оконное стекло затуманилось и покрылось инеем.

В эту самую минуту на чердаке, под самой крышей дома, проснулся старый ворон. Он хрипло каркнул, и облако замерло на месте. Ворон каркнул во второй раз, и оно разлилось по стене дома, не решаясь двинуться ни вперед, ни назад. Ворон каркнул в третий раз, и свинцовый туман как будто распался на куски и осел клочьями у стен усадьбы. Там он вновь собрался в тучу, и эта туча неохотно потекла в обратный путь. Скользнула через забор и растворилась в ночи.

Сергей Волков В Чернолесье все бывает

Утром я открыл глаза и не сразу понял, где я. Мой взгляд уперся в потолок: непривычно высокий и сводчатый, совсем не такой, как в нашем городском доме. Все просто: я спал на чердаке. Под самым потолком на деревянных перекрытиях зачем-то были развешаны пучки разных трав и веток. Они вкусно пахли. Солнце проникало внутрь сквозь щели в ставнях и чертило на стенах ослепительно-яркие полосы – так, что глазам было больно смотреть. Пыль весело плясала и серебрилась в воздухе. Наверно, время уже приблизилось к полудню.

Я поднялся, распахнул ставни и поднял оконную раму.

Смотреть на усадьбу сверху было очень занятно. Я видел широкий двор с дворовыми постройками, изгородь, собранную из толстенных жердей, за изгородью – широченное поле, заросшее травой; за ним земля как будто проваливалась в неглубокий овраг, над которым поднимался туман – там, внизу, должно быть, протекал ручей; за оврагом темнел лес.

Мне захотелось сфоткать вид сверху, но тут же я вспомнил, что мой телефон остался в поезде. Это было грустно.

У кровати я нашел новые джинсы и футболку, которые удивительным образом пришились мне впору. Приодевшись, я спустился вниз.

На столе лежала записка от деда:

Сережка, с добрым утром!

Я на работе. Со двора не выходи. Карл за тобой присмотрит. Если зачешутся руки, загляни в гараж. Одна сборка и разборка самоката заменяет сто лайков в этих ваших соц-сетях.

В лес не ходи! Если пойдешь, не сворачивай с дороги! Если свернешь – все равно узнаю и выдеру как сидорову козу!

Герман

Я только головой покачал. Тут ворон, мой старый знакомый, и вправду слетел откуда-то сверху, с чердака, и оказался на столе прямо передо мной.

– Жрать, – гаркнул он вместо приветствия.

Я радостно кивнул. Тогда он полетел вместе со мной на кухню, где уселся на холодильник и принялся руководить. В общем, вдвоем мы быстро управились с едой. После этого мои руки немедленно зачесались, и я отправился в гараж, где и обнаружил прекрасный и совсем новый электрический самокат, правда, наполовину разобранный, только что вынутый из коробки. Колеса лежали отдельно, аккумуляторы – отдельно. Рядом был приготовлен набор ключей и банка с машинным маслом.

Часа полтора я возился с этим самокатом, а Карл расхаживал рядом – присматривал. Герман не возвращался. Когда я приладил руль и вытер руки от масла, у меня ломило поясницу, но я был готов к дальнейшим приключениям. Батареи зарядились. Было ясно, что машину просто необходимо опробовать в деле.

– Я съезжу в супермаркет, – сообщил я Карлу. – Только туда и сразу назад.

– What for? – прокаркал ворон на своем любимом языке.

– За пивом дедушке, – соврал я. – Куплю упаковку речичского.

Ответ был засчитан. Ворон поглядел на меня благосклонно.

Конечно, мой коварный замысел состоял в другом.

Я вышел со двора и аккуратно запер за собой калитку. Лес был залит солнцем, дорога пустынная, и легкий пар поднимался над асфальтом. Через полчаса я добрался до станции и оставил самокат на парковке у торгового центра. Какие-то мотоциклисты в черных куртках

проводили меня внимательными взглядами. Но на другой стороне площади я заметил знакомых милиционеров и поэтому смело вошел внутрь.

Щедрая тетушка Элла положила мне на счет столько денег, что на каникулах я мог спокойно жиреть – не хуже, чем кузина в Чайланде. Но я рассудил, что есть вещи поважнее набитого желудка.

К счастью, даже в этой глуши продавались кое-какие смартфоны. Я заплатил, сел на диван в пустынном холле и немедленно распаковал коробку. Скачать необходимые игры было делом пяти минут: в торговом центре даже отыскалась сеть wi-fi, о чем напоминала гордая табличка. Затем я подключил очки для дополненной реальности и настроил камеру на автофокус. Картинка в очках почти не тормозила.

Обратный путь был веселее. Теперь дорога стала просто сказочной. Деревья справа и слева расцвели невообразимыми цветами, а сама асфальтовая лента переливалась всеми красками (черт дернул меня включить acid-плагин, а отключать было уже лень). Разнообразные звери высывали свои морды из кустов, и оставалось только гадать, какая часть их хоть немного реальна, а какая нет. В наушниках звучала музыка, сгенерированная специально для меня. Словом, я опять погрузился в игру с головой.

Дорога петляла между холмов. Солнце светило ярко, по-летнему, и мне напекло голову. Минут двадцать я пилил в гору, не особо отвлекаясь на окружающее. Но когда взобрался на гребень, притормозил, чтобы оглядеться.

Я видел, что дорога уходит по широкой петле в сторону. Похоже, те, кто строил это шоссе, старались обходить лес стороной. А ведь усадьба была там, прямо за лесом. Если приглядеться, можно было различить далеко за деревьями верхушку мачты с антеннами.

Мне было плевать на их порядки. Я решил прорваться напрямик.

Даже сквозь очки я видел, как красив этот дикий лес. Рыжие сосновые стволы стояли рядами, как античные колонны из теткиных фотоальбомов, и тропинка пролегла среди них, прямая, как солнечный луч. Не сбавляя скорости, я гнал вперед. Что при этом творилось перед моими глазами, я вряд ли смогу описать. Небывалые картины появлялись и исчезали, и фантастические звери то догоняли, то обгоняли меня, то неслись вровень. Игра дополняла жизнь, и еще неизвестно, что было реальнее. Я увидел, как удивительный лес светлеет, и деревья впереди расступаются, словно приглашая меня. Как вдруг тропинка нырнула вниз, да так резко, что у меня закружилась голова. Я катился вниз, все ускоряясь, сквозь волшебный серебристый туман, не чувствуя ничего, кроме восторга. И тут дорога исчезла.

То есть, исчезла совсем. Самокат летел по воздуху.

Пока я несся вот так с обрыва, я думал сразу несколько мыслей. Среди прочего мне было ясно, что ничем хорошим этот полет не завершится, но выбирать не приходилось. Еще я гадал, что именно я себе сломаю, когда приземлюсь. Думать было трудно: самокат меня не слушался, терял колёса, скрежетал и пихал меня снизу в разные места. Это очень отвлекало. Наконец злосчастный суперджет воткнулся передней вилкой в какую-то паскудную кочку и встал как вкопанный. Я же продолжил движение по инерции. С ужасающей скоростью, вверх ногами, я перелетел через руль и со всего размаху шлепнулся в ледяную воду ручья. На какое-то время для меня все кончилось.

* * *

Я очнулся от того, что кто-то тронул меня за руку. Я дернулся и открыл глаза.

Передо мной сидел на корточках какой-то парень, в холщовой деревенской рубаше и коротких джинсах. Кажется, моего возраста. Сероглазый, с волосами, светлыми как солома, он был похож даже не на местного, а скорей на какого-нибудь шведа.

– Живой? – спросил он.

Я просто зажмурился и потерял лоб. Когда я открыл глаза, ничего не изменилось. Голова кружилась по-прежнему, и от этого даже подташнивало. Я сидел на мягкой травке, на склоне злополучного оврага. Рядом шумел ручей. Только небо изменило цвет, как всегда бывает перед закатом.

– Я тебя вытащил из воды, – сказал парень. – Но ты лежал и молчал.

Похоже, он действительно был не из местных. Говорил он по-русски, даже как-то *слишком* по-русски, слишком старательно. И еще немного хрипло, потому что у него тоже ломался голос. Пожалуй, он был чуть старше меня. И под его холщовой рубашкой угадывались крепкие мускулы. В другое время я бы даже позавидовал. Но сейчас было не до того.

Скрипнув зубами, я приподнялся и сел. Полез в карман и вытащил свой телефон. На него было грустно смотреть. Экран был разбит, и изнутри капала вода. Как и следовало ожидать, он не работал.

– Минус два, – пробормотал я. – Чудная статистика.

– Что? – не понял тот парень.

Я промолчал и попробовал встать. Кажется, руки и ноги были целы. Но полет не прошел даром. У меня кружилась голова и перед глазами все плыло. Рубашка была порвана в клочья, а джинсы – аккуратно вдоль. Ссадина на левой ноге сочилась кровью, и я подумал, что это очень хреново, если вспомнить о таких вещах, как столбняк и заражение крови. Я с трудом удержался, чтобы не заскулить от боли.

– Держись, – сказал парень и придержал меня за плечо, чтоб я не упал. – Ты можешь больше не бояться.

Я даже не успел разозлиться. Он сделал вот что: присел, набрал в пригоршни ледяной воды и протер мою раненую ногу (тут я все же издал несколько звуков). Потом зачем-то приложил к ссадине кусок глины и перебинтовал ногу куском моей же рубашки. Кровь больше не текла, и пульсирующая боль как будто начала утихать.

– Теперь все в порядке, – сказал этот парень. – Это плохо, когда... кровь льется зря.

Я пошевелил ногой и поморщился. Вот ведь пацифист, подумал я. Его бы в «Dark Forest» на третий уровень.

– Ладно, спасибо, – сказал я. – Буду иметь в виду.

Тут он наконец улыбнулся:

– Я забыл сказать. Меня зовут Вик.

– Сергей Волков, – назвался и я.

– Я знаю.

– Откуда?

– Как раз в этом нет большой проблемы, – отвечал он. – Твой дед всем в деревне про тебя рассказывал.

– Так ты знаешь моего деда?

– Ну да. Кто же не знает Германа?

– Может, тогда позвонишь ему?

Он развел руками:

– Телефон забыл захватить, – и тут я заметил, что у него и правда пустые карманы. Мне показалось, что его это вовсе не волновало. «Да, этот Костяной Бор – сказочное место», – подумал я.

Шагах в десяти я увидел свой самокат, но не весь. Переднее колесо укатилось неизвестно куда. Рама распалась на две части. Словом, аппарат как будто снова был наполовину разобран, но выглядел далеко не блестяще. Вик проследил за моим взглядом.

– Ты еще легко отделался, – сказал он. – Заехал к нам однажды один студент из Минска, на мотоцикле. Так его потом по частям собирали. Вместе с мотоциклом.

Ручей журчал за его спиной, и удушливый пар все так же поднимался от воды. Теперь, в предзакатном солнце, тени стали длиннее. Я задрал голову и посмотрел вверх – туда, откуда прибыл. Крутой, почти отвесный склон весь зарос дикой малиной и терновником, и только в том месте, откуда я стартовал, кусты были слегка прижаты. Нечего было и думать о том, чтобы взобраться обратно.

– Интересно, как мы теперь отсюда выберемся, – сказал я хмуро.

– Просто пойдем по Чернушке. Мы так ручей называем. Он длинный. Но вверх по течению берег будет пониже.

– И куда мы так выйдем?

Вик махнул рукой в сторону заходящего солнца:

– Прямо к твоему дому. Куда же еще.

– Так просто?

Вик вздохнул.

– Не совсем, – ответил он. – Один ты не дойдешь.

Мне вдруг стало холодно и неудобно.

– Пошли, – сказал он негромко. – Не будем терять время.

– А самокат?

– Здесь оставим, никто не стащит. Сюда вообще-то никто не ходит.

– Только ты? – спросил я, слегка усмехнувшись.

Он невозмутимо кивнул.

Скоро мы брели вдоль ручья по скользким замшелым камням, и туман расплзался перед нами и лениво склеивался позади. Прямо перед нами разгорался закат, и я уже понимал, что вряд ли вернусь домой до темноты. Дед вряд ли меня похвалит, думал я.

Идти было трудно. Голова кружилась, ноги подкашивались. Кончилось тем, что я обхватил этого Вика за шею здоровой рукой, как утопающий хватает спасателя, чтобы его тоже утопить, и примерно с тем же результатом: пару раз этот Вик чуть не рухнул в воду вместе со мной.

После получаса такого движения мы оба валились с ног. И все же берег мало-помалу опускался, и наконец по пологому склону мы выбрались из этого вонючего оврага.

Я оглянулся. Над ручьем стелился то ли туман, то ли пар. И правда, Чернушка, подумал я. Иначе и не назовешь.

Зато наверху росли самые обыкновенные елки и сосны. Какие-то птицы посвистывали в ветвях. Под ногами хрустели шишки. Я начал узнавать местность. Между деревьями виднелись просветы: должно быть, там проходила дорога от станции до дома.

– Посидим, отдохнем, – предложил я.

Вик посмотрел на меня. Потом на небо.

– Хорошо, посидим, – согласился он. – Только недолго. Скоро стемнеет.

Мы сели бок о бок на толстенный сосновый корень. Понемногу я отдышался. Мы разговаривали о всяких пустяках, и вот что странно: я больше не спешил домой. Уж не знаю, почему. К тому же все это время у меня на языке вертелось сразу несколько вопросов, которые надо было бы задать гораздо раньше. Просто я не умею общаться с людьми. Тетя Элла безусловно права.

– И все-таки, – сказал я. – Как ты меня нашел?

– Я следил за тобой, – легко ответил Вик. – От самого супермаркета.

– Зачем?

– Не скажу.

– Какого черта? Я не понимаю. Тебя дед попросил?

– Герман? Нет. Не просил. Он ни о чем не знает.

– Тогда зачем?

Он посмотрел из-под руки на алое закатное солнце. Облизнул губы.

– Лучше не спрашивай, – сказал он. – Мне придется врать. А мы не должны врать.

– Кто это «мы»?

– Ну... скауты-экологи. У нас тут лагерь. Называется «Эдельвейс». Слышал?

– Надо же, – сказал я. – Еще никогда не дружил со скаутами.

Вик покраснел. Или, может быть, побледнел, но алое солнце засветилось на его лице.

– Да, – сказал он. – Мы можем быть. Другими.

Я отвел взгляд. Я вижу, когда люди не врут. Это бывает очень редко. И когда у них друзей нет, я тоже сразу вижу. Это же все равно как в зеркало посмотреть.

Вик откинул волосы со лба, будто они ему мешали. Так он делает, чтобы успокоиться, понял я.

– А ты... чем занимаешься? – поинтересовался он. – Там, в городе?

Теперь и я смутился. Сказать-то мне было особо и нечего.

– Так, ничем, – признался я. – Тестирую игры.

– Ты исследователь? Я видел, ты в очках. Я так и подумал.

– Ну да, исследователь, – сказал я и, наверное, немного покраснел. – Очки специальные.

Для виртуальной реальности.

– Я не знаю, что это.

– Дикие вы тут совсем, – сказал я. – Отсталые. Я вообще сперва решил, что ты неместный.

– Почему? – Вик наморщил лоб. – С чего ты так решил?

– Видно же.

– Я сам не знаю, где я родился, – сказал он грустно. – И никто не знает. Меня в детстве нашли в лесу. Одного. Кто-то даже думал, что меня воспитали волки.

Я поежился. А он продолжал:

– Тогда я ни с кем не мог разговаривать. Только мог сказать, как меня зовут. Вик.

– Вик, – для чего-то повторил я. – Интересное имя. Может, ты швед?

– Я же говорю, не знаю. Никаких данных не сохранилось.

– Разве так бывает?

– В Чернолесье все бывает.

– У меня тоже нет родителей, – сказал я. – Они умерли. Остались только дед и тетка. Да еще двоюродная сестра. В десятом классе.

Он постарался улыбнуться:

– Круто. Познакомишь?

Я не успел ответить. Над нашими головами захлопали крылья. Большая черная птица опустилась на корень прямо перед нами и разинула клюв, будто хотела что-то сказать.

– Это же Карл! – воскликнул я, обрадованный.

– Korrekt, – прокаркал ворон почему-то по-немецки.

– Здравствуй, Карл, – сказал Вик. Ворон взглянул на него строго. Похоже, их не нужно было знакомить.

– Мы ничего такого не делали, Карл, – сказал я на всякий случай. – Я... немножко упал... а он помог мне выбраться. Так и передай Герману. Понял?

Карл промолчал. Он еще раз посмотрел на нас внимательным круглым глазом, снялся и тяжело полетел в сторону дороги, ловко пробираясь между сосновыми стволами.

– Теперь все будет хорошо, – сказал я Вику. – Карл очень умный. Он деду дорогу покажет, дед за нами и придет. У него же пикап-вездеход. Видел, наверно? Десять минут – и мы дома. А как доберемся, залезем в баню. Ты был в русской бане? Там надо хлестать друг друга вениками из веток. Это что-то удивительное.

Но Вик повел себя странно.

– Нет, – сказал он. – Давай в другой раз. Мне пора возвращаться в лагерь.

– Никуда ты не пойдешь, – сказал я. – Устроим вечеринку. Герман разрешит. А я еще ему расскажу про тебя... как ты меня вытащил... так он для тебя все сделает.

– Не надо, – сказал Вик. – Не надо ему об этом знать.

– Что за хрень? Ты его боишься?

Он усмехнулся.

– Я никого не боюсь. Но лучше не рассказывай ему ничего.

– Да что такого случится, Вик?

– Случится то, что он запрет тебя в доме. Будет следить за каждым шагом.

– Но ты же снова меня вытащишь? – сказал я.

Здесь Вик рассмеялся.

Когда вдали послышался шум мотора, он вскочил на ноги. Пожал мне руку. И исчез. Клянусь, в эту минуту мне стало так грустно, как уже давно не бывало.

Красный грузовичок свернул с дороги, ловко проскользнул между соснами и тормознул в десяти шагах от меня.

– Ну, что случилось? – спросил Герман, выбираясь из кабины. Он был бодр и весел, как всегда. Только взгляд был внимательный. Озабоченный.

– Пустяки, – сказал я.

– Пустяки – это хорошо. Ссадины, царапины – еще лучше. У меня с собой сыворотка от столбняка... Но ответь мне на главный вопрос, пожалуйста.

– На какой?

Дед принял самый суровый вид:

– Скажи, купил ли ты пиво в супермаркете?

Герман «Хватит ли у нас пороху?»

Внук мирно спал у себя на чердаке. Ничего он себе не переломал, даже фельдшера не пришлось вызывать. Был он частично перевязан, облеплен пластырями и слегка наказан за самокат (обошлось без порки). И то сказать, ищи теперь обломки по всему оврагу. Ладно, решил Герман. Это подождет до завтра.

Ближе к ночи вдруг заехали полицейские со станции – Михалок и Сапегин. Постояли, поговорили. Оказывается, продавец в деревне попросил их проверить, добрался ли Серега до дому со своей дорогой покупкой. «Как бы чего не вышло», – сказал продавец. Вот они и заглянули к Герману после конца смены.

Герман угостил их пивом. И заверил, что все в полном порядке.

Но кое-что было не так. И это Германа беспокоило.

В полночь Герман сидел за столом, и на душе у него было тяжело. Тускло светила старомодная желтая лампа. Ворон Карл, стуча когтями, расхаживал между кружек, и вид у него тоже был озабоченный.

– Я не уверен, – сказал ему Герман. – Я весь в сомнениях, Карл. Парень еще не готов.

Карл не отвечал.

– У него ветер в голове, – сказал Герман. – А теперь еще и легкое сотрясение там же. Разве я был таким? А, Карл? Хорошо, ты не помнишь. Ты сам тогда был дурак и ветрогон.

Карл глянул на него веселым черным глазом.

– Впрочем, он молчал, – сказал Герман. – Не жаловался. Ногу сам себе перевязал, да еще таким крепким узлом. А ведь городской. И где только научился? Неужели в скаутском лагере?

Ворон энергично повертел головой, всем видом показывая, что уж он-то никак не может этого знать.

– Что-то ты темнишь, старый хитрец, – усмехнулся Герман. – Что-то ты недоговариваешь. Ну да бог с тобой.

Он тяжело поднялся. Раскрыл окно. Отсыревшая рама подалась не сразу. Опершись на подоконник, поглядел в темноту.

Там, далеко, за изгородью, клубился туман.

– Волна снова поднимается, – сказал Герман. – Они чувствуют. Они его видели, Карл. Заметили. Они знают, кто он такой.

Ворон тоже смотрел в окно. Он нервно топорщил перья, будто уже озяб от сквозняка.

– Не волнуйся, – сказал Герман. – Они его не тронут. Уж я об этом позабочусь.

Громадная серая бабочка трепетала под потолком, на границе света и тени. Герман посмотрел на нее с неудовольствием.

– Пришибу зар-разу, – пообещал он.

Но вместо мухобойки взял со стола мобильную рацию «Моторола». Нажал кнопку. Рация зашипела и заскрипела негромко.

– Знаю, ты здесь, Гройль, – сказал он в микрофон. – Это я говорю, лесник Герман Волков. Смотритель Чернолесья. И вот что я скажу тебе. Если хоть один волосок упадет с головы моего внука, тебе несдобровать.

Рация на мгновение перестала шипеть. Карл склонил голову, прислушиваясь. А Герман продолжал медленно и отчетливо:

– Проваливай отсюда. Убирайся сам и загони свою поганую тучу обратно в шахту. Мне надоели твои дешевые спецэффекты.

Рация снова заскрежетала.

– Что? – Герман еле заметно улыбнулся. – Ты хочешь меня видеть, Гройль? Ты соскучился?

Я бы на твоём месте не скучал. Но я повторю ещё раз: если что-то случится с мальчишкой, я сожгу весь твой лес. И без всяких угрызений совести.

Рация взорвалась шумом и скрипом. Герман нажал кнопку, и все стихло.

– Он придет, – сказал он. – Он тоже не уверен. Он хочет быть уверен.

– Ч-черт, – проговорил ворон.

Оба поглядели вверх: серая бабочка вылетела из своего угла, пометалась у окна, стуча крыльями, затем неуклюже скользнула под раму и вылетела вон.

Герман тихо выругался.

– Что скажешь, Карл? – спросил он. – Хватит у нас пороку на небольшой Армагеддон?

Ворон щелкнул клювом воинственно.

Герман выглянул на улицу. Туман не рассеивался, только стал ещё более густым. Было душно, как перед грозой. Что-то темное таилось там, за забором, темнее самой ночи.

– Я его предупреждал, – вполголоса сказал Герман. – Теперь пусть пеняет на себя.

Он взял в руки свой военный планшет в корпусе из прочной резины. Поглядывая в окно, набрал несколько команд на тускло светящемся экране.

Серебристые мачты там, вдали, осветились призрачным светом, словно огнями святого Эльма. Через мгновение мощный электрический разряд проскочил между их вершинами. Зубастая молния вспыхнула с сухим треском и наотмашь ударила по лесу, затем ещё и ещё. В ответ откуда-то издалека донесся ни на что не похожий звук, похожий на стон, густой и низкий, как будто замедленный. Но и туман схлынул прочь, и стали видны ближние отроги Чернолесья. Сразу вслед за этим пошел дождь; тяжелые капли застучали по крыше, и началась самая настоящая гроза.

Герман захлопнул тяжелую раму.

– Теперь все дерьмо со двора смывается, – сказал он.

Спящий на чердаке Сергей беспокойно перевернулся с боку на бок, сквозь сон проговорил что-то чуть слышно и снова затих.

* * *

После ночной грозы в лесу пахло смолой и свежестью. Герману захотелось прогуляться по тропинке пешком, как в молодости, в прежней жизни, в другом лесу. Герман отогнал эту мысль как неуместную.

Он остановил свой красный пикап у самого обрыва. Размотал веревочную лестницу. Прикрепил ее концы к машине специальными карабинами. Кряхтя, полез по металлическим ступенькам вниз, к ручью, где до сих пор валялись обломки разбитого самоката.

Работа была непростой. Обломки приходилось нести на плечах. Первым делом Герман вытащил наверх тяжелую раму с аккумулятором. Затем – вилку и колеса. Забросил все это в кузов. Ворон Карл перемещался по бортику, контролировал.

Повреждения не были фатальными. И раму, и все остальное легко можно было починить в деревенском автосервисе. Герман решил заехать туда прямо сегодня.

Он ещё бродил по глинистому руслу в поисках потерянных деталей, когда ворон наверху тревожно каркнул.

Герман остановился и поглядел из-под руки на дорогу.

Над обрывом возвышалась длинная нескладная фигура. Против солнца было трудно разглядеть, кто это, но Герман и сам прекрасно знал, кем фигура должна быть.

Заметив, что замечен, пришелец осторожно приблизился к самому склону.

– Я жду тебя, Герман, – сказал он неприятным, скрипучим голосом.

Лесник кивнул. Поднял с земли обломок брызговика, еще пару каких-то гаджетов и с ними поднялся к пикапу. Как ни старался он остаться чистым, но все равно его ноги по щиколотку были облеплены жирной грязью.

Этим он сильно отличался от гостя, чьи высокие сапоги военного образца были натерты до блеска. А еще на прищельце был коричневый кожаный плащ с двумя рядами пуговиц; офицерская фуражка, каких не носили уже лет восемьдесят, блестящая как новенькая, с крохотной кокардой в виде черепа и костей, она крепко держалась на бритой голове.

Голова эта, впрочем, сохранилась гораздо хуже. Тощая шея была морщинистой, как у черепахи. Уши казались вырезанными из алебаstra. Самым удивительным было то, что на тонком прямом носу прищельца поблескивало золотое пенсне. За стеклами прятались стальные серые глаза.

Под взглядом этих глаз Герман не дрогнул.

– Вечер в хату, – непонятно сказал он. – Корона не давит?

Пришедший сплюнул.

– Все чудись, – сказал он. – Не жди от меня того же.

Герман сорвал на обочине пучок травы и принялся вытирать ботинки.

– Я только одного жду от тебя, Гройль, – сказал он невозмутимо. – Когда ты отсюда уберешься.

Тот, кого называли Гройлем, нахмурился.

– Сколько раз тебе говорить. Не называй меня так... в этом обличье. Как ты знаешь, имен у меня много. Сейчас перед тобой стоит доктор наук Флориан Штарк.

– До-октор? – насмешливо переспросил Герман.

– Именно. Ведущий специалист по экологии.

Герман закончил чистку ботинок. Сплюнул. Тоже хмуро взглянул на гостя:

– Оставь эти игры для своих пионеров. Вместе со своей фуражкой и немецким тряпьем. Уж я-то помню твою фамилию – Сморкович... заключенный Сморкович. Говори, зачем пришел. Тебе мало вчерашнего фейерверка?

– Мне никогда не бывает мало, – глухо сказал мнимый доктор. – Я пришел, чтобы заключить сделку.

– Не слишком ли долго ты ждал?

– Я ждал ровно столько, сколько требуется, чтобы лишний раз убедиться в твоём непробиваемом упрямстве. Ты все еще рассчитываешь пристроить к своему гиблому делу наследников? Этот, кажется, последний из рода?

– Ты про Серегу? – Герман даже рассмеялся, по виду вполне благодушно. – Да у него наследников будет полдеревни! Мальчишке и пятнадцати нет. Он еще, можно сказать, не развернулся в полную силу.

Герман подобрал с земли какую-то гайку. Повертел в руках и кинул в кузов. Карл беспокойно захлопал крыльями и щелкнул клювом.

– Нет у него никакой силы, – сказал Гройль. – И ты сам это знаешь. Он даже не полукровка. Он последыш. В нем не осталось почти ничего от нашей общей судьбы. Тебе не вдохнуть жизнь в свой угасающий род, как ты ни старайся.

– Значит, я управлюсь с тобой сам, – сказал Герман.

– Вот мы и подошли к предмету сделки. Итак, ты оставляешь свои унылые попытки бороться с нами. Мы... оставляем тебя в живых. Впрочем, это означает всего лишь то, что ты умрешь своей смертью.

– Не пойдет, – покачал головой Герман. – Моя жизнь меня не слишком заботит. Да кстати и ты, Гройль, не протянешь долго. У тебя уже ум заходит за разум. Достаточно посмотреть на твою фуражку... и на то, что под ней. Нет, Гройль. Твоя сделка изначально ничтожна.

– Хорошо. Будь по-твоему. Я сохраню жизнь твоему Сергею... и его вероятным потомкам, так уж и быть... отныне и во веки веков, – сказал Гройль. – Ну, а мои условия ты слышал.

– С каких это пор ты повелеваешь вечностью? – спросил Герман.

– С тех пор, как ощутил силу, мой друг. За мной стоит целая армия, – тут Гройль приосанился. – Да, целая армия! Ты о ней слышал, не так ли? А вот за твоей спиной пусто.

– Мой Сережка один стоит целой армии, – возразил Герман. – Он, знаешь ли, с детства дружит с техникой. И он не будет бить искусственными молниями по периметру. Он использует... плазменную пушку со спутниковой навигацией... и не оставит от твоего гнусного логова камня на камне.

– Ты блефуешь. Ты тянешь время.

– Мое время принадлежит только мне.

– Кто знает, – проговорил Гройль задумчиво. – И кто знает, чью сторону выберет твой глупый внук... когда придет его час выбирать.

Герман помрачнел. Тогда Гройль отсалютовал ему коротким, давно забытым жестом, развернулся на каблуках – на земле остались два следа причудливой формы – и двинулся прочь от дороги в лес, стараясь не запинаться о кочки.

Старый Герман стоял и смотрел ему вслед, пока тот не скрылся в тумане. Затем махнул рукой Карлу, и тот перебрался в кабину, где вцепился когтями в спинку сиденья и притих, нахохлившись.

– Слышал, дружище? – спросил Герман у ворона. – Что думаешь?

– Кр-рах? – спросил ворон.

– Ну, это мы еще посмотрим. Жаль... да, жаль. Времени все меньше.

Он завел мотор и погнал пикап в деревню. Радиостанция на панели приборов молчала, и только в кузове гремели железки.

Сергей Волков Лагерь «Эдельвейс»

На третий день голова перестала кружиться. Это была победа. Потому что я смог включить смартфон с очками, и меня даже ни разу не стошнило от виртуальной реальности.

Перед этим было еще кое-что. Дед устроил мне хорошую взбучку за потерянный самокат. Потом сам же его нашел и отвез в автосервис, где ему починили раму при помощи электросварки. Теперь на раме красуется кривой алюминиевый шов, и мне даже не хочется его закрашивать.

Мой разбитый телефон дед ухитрился сдать обратно в магазин, где взамен ему выдали новый, такой же. Администратор пояснил, что фирма-изготовитель не обязана по гарантии менять испорченный товар. И что он идет на некоторое нарушение правил исключительно ради Германа, потому что когда-то, когда он, администратор, был еще мальчишкой, Герман позволял ему садиться за руль своей старой «Нивы». Я даже поревновал минуты две, потому что мне-то садиться за руль не позволялось, но потом решил, что все это было давно, когда меня еще и на свете не было, и обижаться нет смысла, а новый смартфон – вот он. Я немедленно скачал новые приложения, ходил по двору в очках и наслаждался дополненной реальностью. Небо к вечеру стало ярко-красным, облака разошлись как занавес в театре, и фон был просто фантастическим.

Я даже вздрогнул, когда в поле зрения моих очков вдруг влетел ворон Карл. Он был похож на громадного черного орла, как на флаге. Глаза горели желтым огнем, крылья рассыпали искры.

Со страху я отключил приложение. Карл стал обыкновенной птицей. Сел на садовую скамейку и внимательно посмотрел на меня. Я снял очки.

– Карл, где Герман? – спросил я у него.

Я знал, что ворон прекрасно понимает вопросы и даже, когда хочет, отвечает.

– Р-работа, – сказал ворон. – Патр-руль.

– Ясно, – я даже улыбнулся. Можно было не ждать деда скоро. С другой стороны, не играть же до ночи, думал я. Хотелось заняться чем-нибудь еще, вот только чем?

– Др-руг, – вдруг сказал Карл.

– Что?

– Вор-рота. Др-руг.

Я обернулся. За въездными воротами никого не было. Ворон досадливо переступил с ноги на ногу и показал носом совсем в другую сторону.

Ну конечно. В усадьбе были и другие ворота, со стороны леса – широкие, распашные, чтобы мог проехать трактор, а может, и танк. Обычно они были заперты. Я обошел дом и увидел, что за воротами опять-таки никого нет, зато снаружи у забора из длинных бревен скромно стоит Вик.

Он был в том же самом наряде, что и в прошлый раз. В холщовой рубашке и застиранных джинсах.

Увидав меня, он приветственно помахал.

– Перелезай сюда, – сказал я ему.

Он молча показал на стальную мачту с антеннами.

– Не бойся, – сказал я, подходя ближе. – Сигнализацию только ночью включают. Слишком много электричества жрет.

Второй раз просить не пришлось. Вик свободно перемахнул через забор, я даже позавидовал. Мои-то руки и ноги еще ныли после неудачного рейса.

Он протянул мне руку, все еще стараясь не улыбаться. Но я подошел ближе, обнял его, как медведь, и крепко хлопнул несколько раз по спине. Таким приемам меня научил дед.

Вот только Вик был непривычен к такому обращению. Он высвободился и покраснел.

– Ты чего, – спросил я.

– Зачем ты делаешь такой захват? – спросил он.

– Эх вы, экологи, – сказал я. – Отстали вы от времени. Все реальные пацаны так здороваются.

– Я думал, ты хочешь атаковать.

– Интересно. А если бы я действительно хотел?

Вместо ответа Вик сделал одно неуловимое движение, и я оказался лежащим на травке. Впрочем, я приземлился мягко и как будто даже с поддержкой. Уложив меня на землю, этот парень выпрямился и покраснел еще больше.

Я хотел было его пнуть. Но без особой злости. И потом, я видел, что каждое мое движение у него под контролем.

– Одичали вы тут совсем, – пробормотал я.

Он присел на корточки.

– Извини, – сказал он. – Я забыл, что ты ранен. Ты не мог нападать в полную силу. Мне не следовало так себя вести.

Я потрогал свою повязку под штаниной. Рана уже не болела, только чесалась.

– Это точно, – сказал я. – Не следовало. Где вас, кстати, таким приемам учат? В вашем лагере?

– Да. Я ведь там с детства. Летом мы живем здесь. Зимой переезжаем поближе к городу. У нас есть эти... домики на колесах.

Я вспомнил свой навязчивый сон. Черный туман, стоявший за дверью вагончика. Но я не подал виду.

– Значит, вы здесь на все каникулы? – спросил я.

– В «Эдельвейсе» нет каникул, – сказал он. – У нас и школы нет. Мы учимся прямо в лагере. Как это говорится... всему понемножку.

– Счастливые люди, – сказал я.

Он наконец-то улыбнулся.

– Хочешь, сходим к нам? – спросил он. – Я покажу, как мы живем.

Я взглянул на солнце. До вечера было еще далеко.

– Это можно, – сказал я. – Если ненадолго, чтоб дед не узнал. Только зачем пешком ходить? Сгоняем на самокате.

Так мы и сделали.

Самокат выдержал двоих. Мощный электромотор тянул даже в гору. За всю поездку нас никто не видел, никто не обогнал и никто не попался навстречу.

На памятном мне повороте мы свернули в другую сторону. По старинной шахтерской дороге углубились в лес. Там пришлось пойти пешком. Мне не хотелось снова полететь под откос из-за какого-нибудь волшебного корня, да еще чтоб этот Вик прилетел сверху.

Да, лес был непростым. Я шел, глядя по сторонам и разинув рот. Громадные сосны уходили кронами в небеса. Невидимые птицы перекликались, и дятел долбил свои послания, и кукушка куковала нам какую-то бесконечную жизнь. Возможно, впрочем, что этот срок надо было делить на двоих.

Наконец впереди забрезжил свет, сосны расступились, и мы оказались на обширной поляне, заставленной по периметру палатками. Была среди них и пара жилых прицепов. Тут-то я и понял, что мы давно уже обнаружены.

На краю поляны нас ждали.

Трое или четверо ребят довольно угрожающего вида, постарше нас, стояли на нашем пути. Я поискал взглядом их мотоциклы: так и есть, они были припаркованы в сторонке. Это были легкие бензиновые «ямахи», как у гонщиков на мотокроссе. Такие кожаные куртки, как у них, мне приходилось видеть только у адских байкеров в американских фильмах. Словом, эти ребята были так же похожи на мирных экологов, как я на балерину.

Мы остановились. Я поставил самокат на подножку и скрестил руки на груди. Вик шагнул вперед и что-то тихо сказал одному из встречавших. По всему видно, тот служил здесь охранником. Габариты позволяли.

Он придирчиво оглядел меня с головы до ног.

– Значит, ты Серега Волков? – уточнил он. – Ты приехал из города? Ну как, нормально добрался?

Я неопределенно кивнул. Но он продолжал:

– Кажется, был небольшой инцидент на дороге? Все закончилось благополучно?

– Более или менее, – сказал я.

– У нас тут нужно глядеть в оба, – не унимался он. – А то ведь недолго и шею сломать. Ты должен быть благодарен своему приятелю. Наш Вик всегда готов помочь. Он хочет быть добреньким... белым и пушистым...

Я не понимал, о чем это он. А Вик, кажется, понимал вполне, потому что побледнел и сжал кулаки. Но мощный мотоциклист как ни в чем не бывало повернулся к нему:

– Значит, ты пригласил своего дружка прямо в «Эдельвейс»? Мило, мило. Только смотри, светлячок... не пришлось бы тебе потом за него краснеть. А ты знаешь, как у нас краснеют. До крови. Ты все еще стесняешься крови?

Вик молчал. Только скрипел зубами.

– Не болтай, Андрон, – сказал другой мотоциклист, не такой чудовищный с виду и явно поумнее. – Лучше проверь-ка нашего дорогого гостя. Вдруг он принес к нам что-нибудь... неэкологичное?

– Стой и не шевелись, – сказал мне этот Андрон.

Он подошел вплотную и оказался вдвое шире меня. Проверил мои карманы (я не сопротивлялся). Толстыми пальцами, похожими на перетянутые сосиски, вытянул смартфон. Повертел в руках очки для дополненной реальности.

– Это не нужно, – сказал он. – Положи это здесь.

Все-таки дикари, решил я. И спрятал очки с телефоном под сиденье.

– Все в порядке, Феликс, – сказал Андрон тому, второму.

Я присмотрелся к нему получше. Это был парень лет восемнадцати, долговязый, с выбритыми висками и длинной темной челкой на левую сторону. Вот только усы у него еще не росли. Я не удержался и усмехнулся. Он заметил.

– Осторожнее, Сергей Волков, – посоветовал он. – Как я уже говорил, сегодня ты наш гость... но завтра все может быть иначе.

Больше он ничего не сказал.

Пока мы шли через поляну, Вик шепнул мне:

– Андрона не слушай. Феликс – главный в отряде. Он скажет, можно тебе остаться или нет.

– Я сам еще не решил, хочу я или нет, – отозвался я.

– Я хочу, чтобы ты захотел.

Вы сами видите: этот Вик общался как-то странно. Да и вел себя тоже странно.

– Облаков нет, – сказал он. – Оставайся. Сегодня полнолуние.

Я уже чуть было не сказал ему, чтобы он прекратил говорить загадками, но тут увидел кое-что новое и даже забыл, что хотел.

Посреди поляны горел костер. Вокруг него сидело сразу несколько девчонок. Они были одеты в какие-то сумасшедшие длинные рубашки из грубой белой ткани, застегнутые на маленькие пуговицы – и больше ни во что. Так иногда разгуливала по дому моя сестричка Вероника, когда ей не хотелось утром переодеваться. Легко понять, что на нее я так не смотрел.

Одна из девчонок, стоя на коленях, ворошила угли длинным деревянным прутом. Другие следили за тем, что она делает. Искры летели вверх. От костра исходил вкусный можжевеловый дым. Та девчонка, с прутом, подняла глаза и увидела нас.

– Смотрите-ка, кого привел наш Вик, – сказала она. – Могу поспорить, что это и есть тот самый Сережа Волков.

Голос у нее был совсем взрослый и чуть-чуть хриплый. Но мне почему-то очень захотелось говорить именно с ней.

– Ну да, это я, – сказал я и тоже охрип. Вик взглянул на меня искоса и усмехнулся.

Остальные сидевшие у костра посмотрели на меня в упор. Все они были очень красивые. Все немного старше нас. И тоже очень дикие. Ну, если вы понимаете, о чем я.

– Иди к нам, Сережа Волков, – сказала та девушка. – Меня зовут Майя... остальных ты тоже узнаешь. Со временем.

Они подвинулись, и я присел с ними рядом у костра. Да, все они носили платье на голое тело. Наверное, в этом не было ничего такого, ходят же люди в сауну. Но все же когда шесть девчонок в одних рубашках сидят с тобой бок о бок – это уже слишком. И когда сразу две обнимают тебя за плечи – это еще более слишком. Мне вдруг показалось, что я сейчас потеряю сознание и упаду лицом в костер.

– Да ты не волнуйся, – сказала Майя. – Для начала ты должен выпить вот это.

Тут я заметил, что передо мной на костре булькает и брызжет кипятком небольшой медный чайник, какие я видел разве что в кино про старинные времена. Чайник стоял на камнях прямо посреди углей, и Майя очень ловко поддела его своей деревяшкой и извлекла из пламени.

– Это колдовское зелье, – подсказал Вик. – Так они его называют. Не бойся. Это просто игра.

Я потянул воздух носом и уловил необычный, слегка удушливый травяной запах. Вероника иногда заваривала у себя в комнате травяной чай и уверяла, что это настоящий волшебный напиток из Тибета, прямиком из Шамбалы (знать бы еще, что это такое), но эти травы пахли как-то не так. Я бы даже отметил, что Вероникины тибетские травы пахли примерно так, как если бы им очень-очень хотелось дотянуться до этой, здешней.

Никак не комментируя свои действия, Майя наполнила один за другим два глиняных стаканчика – кургуzych, словно вылепленных вручную.

– К столу, дети, к столу, – сказала она по-сказочному, и я даже не заметил, как протянул руку первым.

Это было и вправду как в сказке. В сказке про девчонок-колдуний, которые унесли в свое колдовское царство мертвого принца и там его оживили. Я пил, обжигаясь, и чувствовал, что с каждым глотком все больше схожу с ума. Мне уже хотелось узнать, что же эти ведьмы делали потом с принцем и как именно они это делали. Майя посмотрела на меня строго и насмешливо – а может, мне это только показалось. Вик только пригубил напиток из своей чашки. Нагнулся к моему уху и спросил опять:

– Ты остаешься?

Я даже не хотел ничего говорить. Конечно, я уже хотел остаться. Я даже не вспоминал о том, что где-то далеко под сиденьем моего самоката лежит смартфон, который уже давно беззвучно вибрирует и пытается разбудить меня от этого чудесного сна, но у него не получается.

Но самое удивительное было впереди.

Майя пристально поглядела на меня. Улыбнулась едва заметно. Облизнула губы. А потом произнесла – новым, незнакомым, волшебным голосом – три слова, как заклинание в игре: «Wexen... Hexen... Silbermond!»

И – одновременно с этим – подняла медный чайник и выплеснула все, что в нем оставалось, в костер.

Пламя вспыхнуло и поднялось выше человеческого роста. Искры рассыпались фейерверком. Высокие сосны, что окружали поляну, медленно тронулись с места и поехали в сторону, как будто мы сидели в центре громадной карусели, и я повалился на землю, чтобы не упасть. Кажется, я стоял на четвереньках, а карусель все кружилась, и вокруг мелькали чьи-то лица, и разноцветные пятна вспыхивали перед моими глазами, словно я до сих пор был в очках для виртуальной реальности – а ведь я прекрасно помнил, что оставил их далеко отсюда! И все же это было больше всего похоже на игру, на одну очень знакомую игру, в которой все превращаются в...

* * *

Я стоял на всех четырех лапах, и это было очень удобно. Ребра больше не болели, голова не кружилась. Да и крутить головой было не нужно. Новое звериное зрение было очень удобным. Даже не оглядываясь, я видел, что Вик держится чуть поодаль, за моим плечом, готовый прийти на помощь, если мне будет плохо. Он мой друг, знал я.

– Круто? – беззвучно спросил Вик.

Я повернулся к нему всем телом.

Вик был ростом с меня, даже чуть повыше в холке. Шерсть у него оказалась светлая, почти белая, серебристая, и это было красиво, потому что он весь как будто светился под луной. Да, полная луна висела в небе прямо над нами, и это меня беспокоило – сам не знаю, почему. Я поднял морду к небу и уже хотел запеть песню, но Вик сделал шаг вперед и тихонько куснул меня за ухо.

– Тише, – сказал он. – Девчонки смеяться будут.

– Это почему? – обиделся я.

– Все так делают. В первый раз. И все смеются.

– Забей, – сказал я прямо, оттолкнул его плечом и завыл.

Это была славная песня. Так мне казалось. Она разносилась над лесом, она достигала самой луны, и луна в ответ благосклонно улыбалась мне – такому сильному, красивому, молодому волку.

Но этот чертов Вик оказался прав. Стоило мне остановиться, чтобы глотнуть воздуха, как я услышал веселый смех. Беззвучный: волки не смеются вслух. Я старался не обращать внимания на девчонок, но знал, что они смотрят на меня, и щелкают белыми зубками, и машут серыми красивыми хвостами, и показывают длинные розовые языки. А вон там кто-то даже повалился от смеха на траву и катается по ней, размахивая в воздухе всеми четырьмя лапами. Да еще и рослый черный Феликс стоит там, вдалеке, и тоже ухмыляется.

– Ну а чего случилось-то, – спросил я смущенно как бы у всех сразу.

Одна молодая волчица выступила вперед из темного круга, и я узнал в ней Майю – даже не спрашивайте, как. Я узнал ее по глазам, по голосу в моей голове, а главное – по запаху. Да, по запаху. Ничто на свете не пахло так приятно и так тревожно.

– Малыш, – сказала она. – Ты еще не умеешь петь. И врать ты не умеешь...

Здесь я бы покраснел, наверно, если бы оставался человеком. Потому что я уже знал, что она скажет. Я начинал понимать, как они говорят друг с другом. Ну, то есть как мы говорим.

– Ты поешь о том, что ты еще совсем мальчишка, – продолжала она. – Что у тебя еще не было ни одной подружки... хотя очень хотелось... и все это слышат. И все понимают. Это люди умеют притворяться... обманывать... верить в обман... но мы-то не люди.

Хоть она и говорила негромко и ласково, шерсть на моей спине вдруг встала дыбом.

– Но кто же мы? – спросил я.

– Раньше люди про нас говорили – вервольфы, оборотни. Сейчас никак не говорят. Мы сделали так, что они замолчали... это сделали мы, сверхволки...

– Не болтай лишнего, Майя, – прервал ее Феликс.

Как я уже говорил, он стал крупным черным волком с необычно длинной шерстью на загривке. Его глаза светились в темноте, а взгляд был тяжелым и недобрый. Я знал, что он мне не друг. Но он был вожак этой стаи.

Он подошел ближе. Майя посторонилась. Только один Вик по-прежнему стоял за моей спиной, и я чувствовал его тревогу.

– Ну что же, с днем рождения, темнейджер, – сказал Феликс. Да, он использовал это странное слово, и потом оно стало означать для меня очень много. Но тогда я услышал его в первый раз.

– Почему темнейджер? – спросил я.

– Оборотни – порождение тьмы. Во всяком случае, так принято думать. Поэтому ты и темнейджер. Этим словом называют наш молодежь. У взрослых другая история, – тут он горделиво приосанился, давая понять, что он-то уже взрослый. – Но ты должен знать: нас уже много, и нас все больше. Здесь ты видишь только младший отряд, «Эдельвейс». Таких отрядов, как у нас, десятки по всему миру. Где-то мы притворяемся экологами, где-то поисковиками, где-то – реконструкторами истории... вот и здесь мы кое-что реконструируем...

– Мне кажется, теперь ты болтаешь лишнее, Феликс, – заметила Майя.

– Отчего же. Пусть знает. Давным-давно, когда была мировая война, оборотни из разных стран тоже сражались между собой... а кое-кто говорит, что мы и до сих пор продолжаем бороться, только в другом пространстве и времени...

– Никогда не слышал ни о чем подобном, – сказал я.

– Конечно. Ты же был человеком. Такие тайны – не для людей. Было бы странно, если бы мы болтали об этом в открытом интернете.

– Но... – я на секунду смутился. – Я никогда не думал, что я... стану волком.

– Никогда не думал? – Феликс усмехнулся. – Брось. Это у тебя в крови. И ты всегда это знал. Ну-ка, вспомни: какую игру ты скачал сегодня вечером? «Темный век»? Вот тебе и ответ. Ты всегда мечтал быть с нами.

Я промолчал. Он был прав. Я всегда знал, кто я. Нет: я знал, кем я должен быть. Именно поэтому я ни на секунду не скучал по своему прежнему облику. Я больше не был дурацким неуклюжим замкнутым подростком с гигантскими амбициями. Сейчас я был смелым и сильным волком-оборотнем, и мои мечты нечаянно обернулись реальностью.

Наверное, вы слышали басню про волка в овечьей шкуре? Ерунда. Это не работает. Это просто глупо. Вот когда баран примеряет волчью – совсем другое дело. Его статус резко меняется... на противоположный.

И пусть надо мной только что посмеялись волчицы-девчонки – я уже знал, что только так они выражают свой интерес. Я всегда мечтал быть с ними? Да. Я только об этом и мечтал.

– Я теперь всегда буду волком? – спросил я, хотя и знал, что звучит по-детски глупо.

– Не забегай вперед, – ответил Феликс. – Иные новички не доживали и до рассвета.

– Это почему?

– Не выдерживали испытаний.

– И что же это за испытания?

– Разные. Ну, допустим, это может быть поединок. Ты должен показать свою силу. Слабаки нам тут не нужны. Слабаков находят потом в долине, у ручья. Иногда по частям. Кстати... тебя ведь тоже там нашли, если я не ошибаюсь? Пожалели, вытащили из лужи?

Вик, который стоял рядом, напрягся. Покосился на меня. Я знал, о чем он думает. Но он продолжал быть на моей стороне, и это я тоже знал.

Поэтому мне было плевать на намеки Феликса.

– Значит, поединок, – сказал я. – И с кем же?

Вик чуть заметно задрожал, и это не укрылось от глаз Феликса.

– Да уж, конечно, не с твоим светленьким приятелем, – отвечал он, усмехаясь. – Будто я не знаю, что он тебе подыграет, чтобы ты остался. Ему, видите ли, здесь скучно. Не-ет. Ты будешь сражаться с самым сильным волком в стае. Даже не буду объяснять, кто это, но далеко ходить тебе не придется. Твоя задача – выстоять хотя бы минуту. А Майя... да, Майя будет следить, чтобы все было честно.

– То есть, ты уверен, что Майя мне не подыграет? – спросил я с усмешкой. В этой волчьей шкуре я стал необыкновенно смелым и даже безрассудным. Это было непривычно.

Вот и Феликс тихонько зарычал. Я понимал, что он хочет сказать, что таких наглых пионеров в «Эдельвейсе» давно не видели. Но мне было все равно. Я просто стоял и смотрел ему в глаза. И знаете, почему? Потому что на меня смотрела Майя.

И она посмотрела на меня еще раз, будто оценивала. Вот это и есть настоящее испытание, подумал я вдруг.

– А ты не трус, – сказала она негромко.

– Проверим, – проворчал Феликс. Прикрыл глаза, будто устал от разговора со мной. Расслабленно переступил с лапы на лапу. И вдруг прыгнул.

Не понимаю, как это произошло, но я увернулся. Его зубы лязгнули в воздухе рядом с моим горлом, и тяжелая туша медленно, очень медленно налетела на то место, где я только что стоял, потому что я с молниеносной быстротой подскочил и развернулся в воздухе. Я никогда не владел своим телом в таком совершенстве. Спустя мгновение я стоял на всех четырех лапах и наблюдал, как черный волк не очень-то ловко приземляется боком ко мне. Еще одну долю мгновения я думал о том, что могу его убить: для этого всего лишь нужно метнуться вперед и вцепиться ему в шею сзади, пока он не опомнился. Но я стоял неподвижно. Вик глядел на меня с восторгом. Девчонки стояли в стороне, боязливо сбившись в кучу, но их глаза светились любопытством. Я посмотрел на Майю: она улыбалась. Кажется, она даже не удивилась, что я выиграл.

А ведь этот Феликс тоже мог победить, подумал я. Если бы он не промазал, я валялся бы сейчас на земле с разорванным горлом, истекая кровью и в последний раз пытаюсь вдохнуть.

Мгновение кончилось. Феликс смотрел на меня, и глаза у него были бешеные. Он не привык проигрывать. Он кое-как сдерживался, чтобы не кинуться на меня снова. И сдержался.

– Ну, погоди, – процедил он беззвучно, показав передние зубы. – Допрыгаешься.

Когда-то дед показывал мне старый советский мульт. Там тоже был волк, только нестрашный и глупый. Он гонялся за мелким подлым зайцем и все повторял: «Ну, погоди!», потому что больше ничего говорить не умел.

– Надо же, какой талантливый парень, – сказала тут Майя, слегка растягивая слова. – Дедушка Герман мог бы тобой гордиться. Не так ли?

– При чем тут Герман? – спросил я.

– Ну а как же. Разве не он тебя учил таким приемам?

– Он? Меня?

– Тебя. Он ведь хочет, чтобы ты стал Смотрителем?

Я даже не знал, что ей ответить. А Майя теперь она смотрела на Феликса, и я больше не понимал, о чем она говорит. Я мог понимать мысли, когда они были обращены ко мне, но здесь она переговаривалась о чем-то с ним. Мне это не понравилось.

А еще я вдруг подумал вот что: если бы я валялся сейчас на земле, истекая кровью, Майя точно так же насмешливо смотрела бы на Феликса. И на встрепанного Вика, который стоял в пяти шагах от меня и тяжело дышал, будто это он, а не я, только что участвовал в поединке.

– Пойдем, – сказал ей Феликс. – На сегодня хватит. Пусть наш герой раздает поклонникам автографы.

Они вдвоем скрылись в темноте, и мне оставалось только проводить их долгим взглядом. Мне было грустно. Я и не знал, что могу так ревновать. Странно: когда я был человеком, ничего подобного со мной не случалось.

Вик подошел ближе. Ткнулся носом в мое плечо.

– Ты очень быстрый, – сказал он. – Ты будешь быстрее всех, если захочешь.

– А куда мне спешить? – спросил я, хотя думал совсем о другом.

– Волк-оборотень должен быть очень быстрым.

Кто медленный, того все равно рано или поздно убьют.

Вот тут я взглянул на него с интересом.

– А ты? – спросил я. – Ты тоже выдержал испытание?

– Я был самым быстрым, – отвечал он спокойно. – До тебя.

Я стоял и смотрел на него. Я с трудом верил, хотя не верить ему было нельзя. Я даже потянул носом воздух. Нюх давал мне еще одно преимущество – даже получше зрения. Этот Вик признал, что я сильнее, и все равно для нас ничего не изменилось. Я знал, что он по-прежнему мой друг, и других у меня нет.

Зато у меня будет много подружек. Это я понял прямо сейчас. Девчонки, осмелев, подходили ко мне, жмурились от удовольствия и норовили прикоснуться носом к моему носу: это они так знакомились. Вик отошел в сторону. Он еле заметно скалил зубы и облизывался. Так он улыбался.

– Серенький, Серенький, ты нам телефон скажешь? – спрашивали девчонки. – А у тебя правда подружки нет? А почему? – («Вот дура», – куснула при этих словах одна другую). – А тебе какие девочки нравятся?

Мне нравились все. Несколько минут – и мы уже сбились в кучу, и кувыркались, и трепали друг друга за уши. Вик помедлил, а потом присоединился к нам. Он оказался стремительным, как белая молния: когда ему пришлось в голову погоняться за мной по кустам, я едва смог спастись.

Стало шумно и весело, как на школьном дворе в пятом классе. Хотя слово «шум» тут не годится. В мире оборотней все звуки были какими-то странными, медленными, тормозными, как если бы ты плывал под водой бассейне и у тебя заложило уши. Лес гудел задумчиво и густо, птицы щебетали где-то в другом времени, и даже шишки не успевали хрустеть под ногами – так быстро мы двигались.

И все же мы слышали друг друга. Всех сразу и по отдельности. Я слышал, как девчонки-волчицы обсуждают меня и подшучивают над моим другом. Это было смешно. И еще я понял, почему они... то есть мы... не любим и не умеем врать. Телепатический слух не позволяет скрывать мысли. Ну или надо очень постараться, чтобы тебя не услышали. Я этого еще не умел. Да и не хотел.

Да, было чертовски весело. Но не это было главным. Я больше не чувствовал себя одиноким... нет, и это не так. Я был свободен от своего одиночества. Да, я был свободен.

И еще. Никогда в жизни я не был с девчонками так близко. Правда, я мечтал... не о них. Нет, не так. Не обо всех. Я мечтал лишь об одной.

Когда Вик улучил момент и сильно толкнул меня носом в бок, я даже обозлился.

– Ты чего? – спросил я.

– Завязывай, – сказал мне Вик. – Нельзя тратить время. Я покажу тебе кое-что.

– Может, потом?

– Здесь нет «потом». А тебе нужно многое узнать. Пошли со мной.

Такого свинства я от него не ожидал. А чего ожидал, не знал и сам.

– Ну, пошли, – послушался я.

Я думал, он устроит мне скучную экскурсию, как в школе, но вышло не так. Отбившись от подружек, мы вышли вдвоем за пределы лагеря, на лесную дорогу, где все еще стоял мой самокат. Кто бы мог подумать: на этот раз он показался мне довольно скучным и неудобным средством передвижения. Четыре великолепные лапы были лучше. А быстрота, с которой я мог теперь двигаться, просто завораживала.

– Осторожно, – предупредил Вик. – Не всегда можно включать гиперскорость. Только в свободном пространстве.

– Вот и я хотел спросить, – сказал я. – Если встретится корень или пенек? Я же разобьюсь в хлам. Как тогда в овраге, на самокате, помнишь?

– Сравнил, – усмехнулся Вик. – Скорость сверхволка в миллион раз выше. Я точно не знаю, как мы движемся. Директор говорил об этом, я не все понял. Мы не просто перемещаемся. Иначе сгорели бы за секунду. Мы... переносимся. Распадаемся на кванты, а потом снова собираемся. Понял?

– В одной игре было что-то такое, – вспомнил я.

– Это тоже игра. Только лучше всех. Давай... побежали.

Похоже, мы с ним были неплохо синхронизированы. Не успел он сосчитать до одного, как я стартанул вместе с ним. Я не думал, куда я бегу, и вообще ни о чем не думал. Да и трудно назвать бегом то состояние, в котором я оказался. Можно было бы решить, что мы летели куда-то по воздуху, как в волшебных сапогах, – но и это было бы неправдой. Никакого полета не было тоже. Я просто видел серебристый туман вокруг и серебристую спину Вика совсем рядом.

Вероятно, он знал, где хочет остановиться. Потому что мы остановились именно там.

Мы стояли на знакомой деревенской площади, возле самой станции. Там, за забором, вдаль убегали рельсы и горели какие-то разноцветные железнодорожные фонари. Над нами раскинулось темное небо, и в этом небе виднелись звезды, каких я никогда не видел в городе. Луна призывно сверкала как громадная перламутровая раковина из какого-нибудь южного моря, и я почему-то вспомнил про тетю Эллу. Бедняжка сошла бы с ума, если бы меня сейчас увидела. Про сестричку Веронику я и вовсе молчу. Насколько я мог судить, она терпеть не могла собак – что уж говорить про кузена-волка.

Как обычно в мире оборотней, вокруг было тихо и... неподвижно. Редкие фонари отражались в лужах на асфальте – я даже не мог припомнить, когда же сегодня шел дождь, а вот, оказывается, шел. Не было ни пешеходов, ни машин, только «УАЗ» с синими мигалками стоял припаркованным неподалеку, возле отдела милиции, в котором было освещено одно окно.

Чуть дальше светились две веселые красные буквы: это была вывеска местного минимаркета. Там я покупал телефон. Магазин был продвинутый, даже не скажешь, что деревенский.

– Заглянем? – спросил Вик, улыбаясь.

– Почему туда?

– Как почему, – удивился Вик. – Новички всегда просят.

– Так ведь заперто, – сказал я.

– Вот именно поэтому. Разве нет?

Я кивнул. И мне снова не пришлось ничего делать. Просто спустя мгновение мы с ним были уже внутри. Ни двери, ни окна даже не дрогнули, стекла остались целыми, и ночная сигнализация не сработала. Я посмотрел на видеокамеры, которые висели по углам. Они равнодушно поблескивали в полутьме.

Думаю, два чертовски диких волка – серый и белый – посреди пустынного торгового зала получили бы миллион просмотров. Я-то нас видел, и могу подтвердить, что выглядели мы круто. Мы отражались в витринах и зеркалах, и было даже немного обидно, что человеческая техника нас напрочь не замечает.

– Я же говорю, сейчас мы – проекция, – сказал Вик. – Но мы можем концентрироваться. Когда надо.

Он тронул носом стеклянную витрину, и стекло скрипнуло и задрожало. Потом его морда проникла внутрь – или это была только проекция морды?

– Хочешь новый айфон? – спросил Вик. – Выбирай. Я постараюсь не прокусить коробку.

– Не хочу, – сказал я. – Здесь хороший хозяин. Он мне телефон бесплатно поменял. У него будут убытки.

– Ты добрый.

– Да и зачем мне айфон, – добавил я. – У меня лапки.

Он не помнил этот мем, но все равно посмеялся.

Я не стал ему говорить, но он был опять прав. Ни одна игра в лучшем телефоне не могла сравниться с той, в которую я играл сейчас. Было даже смешно думать, что я когда-нибудь снова надену свои убогие 3D-очки и включу тормозную графику. Все это было слишком по-человечески, а я чувствовал себя волком. Нет: сверхволком.

Я хотел гордо завить, но удержался. Наверно, постеснялся.

– Пошли отсюда, – сказал я.

Тем же способом, до сих пор неизвестным мне, мы оказались на улице. Оказалось, что за это время там кое-что изменилось. Это было как в игре «найди десять отличий»: окно в участке погасло, зато милиционер сам появился на крыльце.

И не один, а с девушкой. Очень молодой и стройной. Она была в курточке с капюшоном, будто боялась, что ее увидят и узнают.

Хотя прятаться от двух сверхволков было глупо.

– Симпатичная, – сказал я.

– Я ее помню, – сказал Вик. – Она тут недалеко живет.

Я не особо слушал, что он говорит про эту девушку. Я даже не присматривался к ней. Потому что я смотрел на них обоих.

Конечно, они целовались. Не то чтобы я никогда не видел, как парень целует девушку. Нет. Видел, и даже пробовал (не вполне удачно). Но я еще никогда этого не чувствовал.

Сейчас же мой волчий нос сыграл со мной удивительную шутку. Я смотрел на них и все про них знал. Я знал, что они делали сегодня вечером (ничего плохого, а только очень хорошее). Я знал, что она влюблена в него и считает его настоящим героем. Ей нравилось, что он взрослый и сильный. И не пугало даже то, что он гораздо старше. Я читал это в ее сознании так же ясно, как если бы она сама все это мне рассказала.

А вот этот парень думал немножко о другом. И это другое мне не понравилось. По-моему, он был порядочный говнюк, хоть и в форме.

Девушка снова поднялась на цыпочки и поцеловала его – медленно и воздушно, как все, что делалось в этом мире.

Вик толкнул меня плечом.

– Давай немного промотаем, – сказал он. – Сколько можно это нюхать.

– Они нас не увидят? – испугался я.

Вик шевельнул хвостом, как будто рукой махнул.

Время стало обычным, и, возможно, они действительно нас увидели, потому что милиционер с беспокойством поглядел в мою сторону и даже дотронулся до электрошокера, что висел у него на поясе. Это у него был такой рефлекс. Реакция на опасность. Девушка тоже вздрогнула и оглянулась.

– Ой, кто там? – спросила она. – Коль, ты их видел? Собаки! Да такие большие! Сапегин посмотрел туда, куда смотрела она.

– Собаки? – ужаснулся он. – Да блин, это же волки!

Клянусь, я чувствовал его страх. Девчонка даже не успела испугаться, а вот он даже пропотел холодным потом (волк чувствует это в первую очередь). Ага, а еще мент, усмехнулся я. Хотя думать об этом было некогда.

Мы переместились за ближайшие кусты (у нас это не заняло ни одной человеческой секунды). Там мы посмотрели друг на друга и беззвучно расхохотались.

Тем временем Сапегин взял себя в руки.

– Да ну, какие волки, – сказал он. – Показалось. Ты чего, в поселок волки не заходят.

– Показалось? Нам обоим? – удивилась девчонка.

– А что? Так часто бывает... если двое любят друг друга... у них и мысли сходятся. Но ты не волнуйся. Со мной ты в безопасности.

«Профессионально выкрутился, – подумал я. – Реальный пикапер».

На всякий случай этот Коля все же просканировал взглядом всю площадь. Ничего криминального не увидел. Подсадил подругу во внедорожник и сам сел за руль.

– Домой повез, – сказал Вик. – Хотя тут недалеко. Думаешь, он за нее беспокоится? Ничего подобного. Просто он не хочет, чтобы их видели вдвоем.

– Вот ведь красавец, – сказал я. – Думаешь, он и вправду нас видел?

– Тут все сложно. Никто не может объяснить, видят они нас или нет. Кто-то ничего не видит. Кто-то видит только движение воздуха. Другие говорят, что видят призраков. Но мы же не можем проверить, раз мы эти призраки и есть?

– Но я же тебя вижу? И ты меня?

– Ты всегда будешь меня видеть. Ты же сверхчеловек.

– А ты?

– А я... ну, как тебе сказать...

Он не закончил, потому что издали донесся свист поезда. Я вспомнил, что мы перешли в обычное время. Мне стало неуютно.

– Давай ускоримся, – сказал я.

Звуки исчезли.

– Теперь порядок, – сказал Вик. – Подождем поезда?

Мы уселись у входа в зал ожидания, как две послушные собаки. Разница была в том, что настоящие собаки, пожалуй, рванули бы от нас прочь со всех ног.

– Не бывает собак-оборотней, – сказал Вик, хотя я ни о чем не спрашивал. – Я не видел. Бывают медведи. Говорят, еще есть лисы, совы, вороны. Но это параллельная эволюция. Они не с нами.

Я хотел о чем-то его спросить, но тут подъехал скоростной поезд. На этой станции он стоял всего минуту. Время вокруг нас было почти реальным: я видел, как несколько человек медленно, очень медленно выходят на низкую платформу. Один тащил сумку на колесах, и колеса густо рокотали, катясь по плитке, будто звук был замедлен раз в пять. Вот они спустились с платформы, прошли мимо нас, ничего не заметив, и отправились к парковке. Их голоса тоже доносились до нас как будто с чудовищной глубины, и понять, о чем говорят эти заторможенные люди, было невозможно.

– Мы делаем так специально, чтобы они нас не замечали, – сказал Вик. – Мы с ними живем в разных масштабах времени. Как... птица и дерево. Понимаешь? Дерево не видит, как на него села птица. Птица не видит, как растет дерево.

– Наша птица все видит, – сказал я. – Помнишь Карла?

– Карл крутой, – согласился Вик, но продолжать не стал.

Я даже оглядел небо и близлежащие деревья, будто рассчитывал там увидеть нашего ручного ворона, но, конечно, никого не заметил. Я вспомнил, как наш добрый Карл разбудил меня, когда я уснул в поезде, – или ничего этого не было, и я проснулся сам? Вероятно, в связи с этим мне пришла в голову еще одна занятная мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.